

Он приблизился к самому уху мальчика с родинкой. Его красивые губы разомкнулись, плавно и мягко произнося завораживающие слова:

— ...Ты достаточно хорош собой, тебя выставят на престижном аукционе. Там покупают знатные господа. Одни ищут наложников, другие — прислугу для личных нужд. Среди них есть и мужчины, и женщины. Так что стоит тебе на помосте принять жалкий вид — даже если знатные дамы не захотят тебя купить, они сжалятся и кинут какую-нибудь безделушку. Хозяин потом, конечно, отберёт все подаренные жемчуга и деньги, но если ты будешь достаточно ловок и поймаешь момент, всегда что-нибудь да утаишь. Что бы ты ни принёс — всё можно обменять на письмо. Как? Подумать хочешь?

Сердце мальчика с родинкой было в руках Цзи Саньмэя. Его слова переворачивали душу, заставляя то взлетать, то падать:

— А если меня продадут на первом же аукционе... что тогда?

На лице Цзи Саньмэя отразилось сожаление:

— Если так случится, считай, что я ничего не говорил.

— Нет!

Мальчик с родинкой схватил его за руку. Другие новички тоже подслушали слова Цзи Саньмэя.

В их глазах вспыхнула надежда, и они плотным кольцом обступили его.

— Я... я сделаю!

— Я тоже!

— А я могу? Я из Янчжоу, уезд Чжу!

Мальчик с родинкой больше не смел занимать место Цзи Саньмэя и почтительно посторонился, давая тому лечь в просторном углу кана.

Цзи Саньмэй без лишних слов прилёг, прислонившись спиной к стене, и словно фокусник достал из рукава парчовый мешочек. Он вынул несколько коричневых листьев и положил их в рот.

Мальчик с родинкой смотрел, как он жуёт, и глаза его округлились. Светло-коричневая родинка, казалось, вот-вот засветится:

— Это... табак? И такое можно достать?

Цзи Саньмэй, полулежа на жёстком кане, выглядел невероятно изящно. Босые ступни его покоились на краю, и походил он не на раба, а на знатную даму, задремавшую на шезлонге. Он медленно жевал, слегка поскрипывая зубами:

— Жаль, нельзя курить — хозяин заподозрит неладное. А то бы я велел ему припрятать тут и курительную трубку.

Сказав это, Цзи Саньмэй с глубоким сожалением вздохнул.

...Припрятать трубку? Припрятать?

Мальчик с родинкой вспомнил, как хозяин давал Цзи Саньмэю работу, и вдруг всё понял.

Неужели все эти сокровища проносили в мешках?

Значит, когда Цзи Саньмэй работал, он мог потихоньку прятать контрабанду?

Мальчик с родинкой и другие новички прониклись к нему глубоким уважением:

— Эти носильщики... у вас с ними сделка? Почему они вас слушаются?

Цзи Саньмэй поднял глаза. В его пленительных, словно цветущие персики, очах мелькнула едва уловимая улыбка:

— У меня свои способы.

Мальчик с родинкой на миг остолбенел.

В этот миг Цзи Саньмэй был непохож на того, кто только что нашептывал ему ласковые слова. Но в чём именно заключалась разница, он понять не мог.

Зато он наконец сообразил, откуда у детей взялись карты.

Цзи Саньмэй полулежал у стены. Левая рука его покоилась на груди, правый локоть небрежно опирался на тонкое левое запястье. Ладонь правой руки была обращена вверх, пальцы слегка разведены — словно он держал что-то незримое.

Сердце мальчика с родинкой ёкнуло. Он поспешно опустил глаза, и лицо его залилось краской.

Под странным обаянием, исходившим от Цзи Саньмэя, голос его стал тише:

— Как ты можешь всё время оставаться здесь? Если однажды тебя купят... что будет со всеми этими вещами?

От волнения он немного запнулся, так и не задав вопрос, который действительно вертелся у него на языке.

...Почему Цзи Саньмэй, с его-то внешностью, до сих пор не куплен каким-нибудь знатным господином?

Мальчик с родинкой не знал, каковы вкусы у знати, но сам он, глядя на лицо Цзи Саньмэя, чувствовал, как сердце сжимается. Ему хотелось броситься к нему, облизать его изящные своды стоп, целовать их, впиваться губами, языком ощущать форму каждого пальца.

Эти странные фантазии одновременно волновали и смущали его.

Услышав вопрос, Цзи Саньмэй поднял голову, взглянул на покрасневшего мальчика с родинкой, слегка сощурил глаза и совершенно спокойно произнёс:

— ...Об этом не беспокойся. Я просто ещё не нашёл подходящего покупателя.

Авторская заметка: Саньмэй: Ещё одна сделка заключена, красота.

Мастер с умилением.

Саньмэй: ...Но курить нельзя, только жевать табак. Тоска.

Мастер: Я вырастил на небесных полях из волшебной пурпурной глины отличный табак. Когда я куплю тебя, он весь будет твой.

Раб может выбирать себе хозяина?

Эту нелепую, смехотворную фразу Цзи Саньмэй произнёс с такой естественностью, будто так и должно быть.

Мальчик с родинкой опешил и хотел расспросить подробнее, как вдруг снаружи донёсся торопливый топот, ключ щёлкнул в замке, и засов с грохотом отскочил.

Дети, игравшие в карты, с привычной ловкостью спрятали их в рукава, не издав ни звука.

Из распахнувшейся двери донёсся окрик:

— Цзи Саньмэй, разожги огонь!

Услышав приказ, Цзи Саньмэй легко спрыгнул с кана и направился к выходу.

Все дети были одеты в просторные белые рубахи, скрывающие очертания тела, но даже в этом мешковатом одеянии стань Цзи Саньмэя не теряла изящества.

Ветер ворвался в его рукав, облепил грубую ткань, обрисовав контуры тела. На заднем подоле рубахи зиял разрез длиной в палец, сквозь который мелькала нежная кожа, будоража воображение.

Мальчик с родинкой затаил дыхание и не решался выдохнуть, пока дверь не захлопнулась. Только тогда он выпустил из груди горячий воздух.

Угол кана снова опустел, но никто не осмеливался занять его. Пылинки, словно светлячки, заплясали в воздухе, празднуя свою свободу.

Кто-то из новичков спросил:

— А откуда вообще взялся маленький господин Цзи?

В комнате повисла тишина. Никто не ответил.

Народ здесь — самый перелётный. Даже самый старший из детей не задержался дольше двух месяцев. А маленький господин Цзи и тогда уже занимал тот угол кана, медленно жевал табак, поднимал грубую чашку и говорил: «За твой родной Юньчжоу, выпьем».

Никто не знал, откуда взялся маленький господин Цзи. Известно было лишь, что стоит ему открыть рот — и он заговорит на любом наречии Поднебесной.

Раз уж развеять сомнения новичков было нечем, старожилы могли дать лишь несколько советов из того, что знали:

— Не заговаривайте с маленьким господином Цзи по пустякам. У него есть способность забрать у вас всё, что у вас есть.

Мальчик с родинкой молча кивнул, всем сердцем соглашаясь.

Другой новичок, понизив голос — не из страха, что услышат снаружи, а будто опасаясь, как бы Цзи Саньмэй не подслушал, — спросил:

— Маленький господин Цзи... правда может отправить письмо? Если нас продадут, куда нашим родным потом идти искать...

— Маленький господин Цзи не отправит письмо, пока вас не купят. На каждый аукцион он ходит. Если вас купят, он запомнит герб или знак покупателя, нарисует его в конце письма и отправит. Так вашим родным будет легче вас разыскать. — Тот, кто говорил, причмокнул. — Я разок видел, как он рисует. Так похоже — один в один!

Мальчик с родинкой поверил.

Побродив по городу Юньян, он узнал, что у знатных семей есть свои гербы и знаки отличия: драконы, тигры, леопарды, мастифы, фениксы, лисы, фазаны... Стоит запомнить эти родовые символы и отправить письмо — и дело пойдёт куда быстрее.

Другой старожил добавил:

— ...И ещё: никогда не ябедничайте. Был тут один, хотел прижать маленького господина Цзи его же тайниками. Ничего не вышло, а потом его тихонько прибили. Когда выносили, на человека не похож был.

Новички дружно содрогнулись.

Подождав, пока они достаточно напугаются, старожил неспешно добавил:

— ...Маленький господин Цзи тут ни при чём. Это другие сообщки сделали. — Письма-то у него у всех на руках. С ним ничего случиться не должно.

Новички замолчали, словно воды в рот набрав.

<http://bllate.org/book/16281/1466050>